

Разбуди меня к августу

Автор:

Оксана Алексеева

Разбуди меня к августу

Оксана Алексеева

У меня были деньги, поддержка семьи, ум, внешность и завидное будущее. Что могло пойти не так? Всё. И последствия необратимы, если я не успею до августа.

Оксана Алексеева

Разбуди меня к августу

Оксана Алексеева

* * *

Раз

Она села рядом на скамью, вытянула ноги и тут же заговорила:

– Зря ты их прикармливаешь. Если бездомных собак в парке станет много, то их будут отстреливать.

– Угу, тебя забыл спросить.

Я раздраженно повел плечами, бросил остатки хлеба облезлому кобелю и растянулся поудобнее, чтобы смотреть теперь в небо. Но все же скосил взгляд на наглую девицу, которая разместилась рядом вместе со своим назидательным тоном. Странная какая-то: на худящих ногах кожаные ботинки, розовые носки торчат до середины щиколоток, ситцевое широкое платье, а поверх накинута короткая джинсовая куртка. Рыжие, длинные, немного спутанные волосы прикрывают конопатую щеку. Лет восемнадцать, не меньше, хотя одевается как школьница с бунтарскими замашками. И голосок спокойный, но уверенный:

– Я серьезно. Знаю, что люди так поступают от доброты, но не всегда добро оборачивается именно добром. Муниципалитету достаточно нескольких жалоб, чтобы сюда вызвали соответствующую службу. А ты сидишь и прикармливаешь. Я веду к тому, что наши поступки не бывают хорошими или плохими, ведь мы не знаем о последствиях. И само намерение никакой роли в этом не играет. Вокруг творится какой-то хаос, ты одинаково бесполезен любым действием или бездействием.

Чего она прикопалась? Бродячих собак уже лет десять никто не отстреливает, их отлавливают и увозят... черт знает, куда и что потом с ними делают. Может, там уже и убивают? Какая, к херам, разница? Не хотелось говорить ни о чем, настроение уже которую неделю подряд было препаршивым, но ответить назойливой соседке по лавке следовало:

– Видишь ли, мне сугубо насрать, отстреливают этих собак, травят или целуют в макушки и переселяют в специальный собачий рай. Я просто купил багет, откусил и выбросил. Все, вопрос исчерпан, философия ходячая?

– Исчерпан, – наконец-то угомонилась она.

Понравился я ей, что ли? Вот она и несет какую-то лабуду, лишь бы разговор завязать. Еще в прошлом году я увлекался пикапом, в дерьмовый какой-то кружок подписался, и тогда точно не упустил бы шанс: там веселый куратор ставил определенные задачи, хотя все они сводились к увеличению количества оттраханных девок. Еще в прошлом году я уже в эту минуту вовлекся бы в игру, но сейчас было страшно лень. Утро выдалось муторным: я все же сдал последний экзамен и закрыл гребаную сессию, хотя и с опозданием. Переживал об этом немного, ведь отец настаивал, чтобы лучше не затягивал с пересдачей до сентября. А я отцу обязан, такую мелочь уж точно можно было устроить. Но, выйдя сегодня из универа, я не чувствовал облегчения – наоборот, вернулась

прежняя усталость и равнодушие ко всему вокруг. Лучше бы из-за экзамена продолжал переживать, честное слово, – все лучше, чем не переживать вообще ни о чем.

– Кстати, меня Октябриной зовут, – наглая девица зачем-то снова подала голос и даже протянула руку для пожатия в честь знакомства.

Впервые с момента встречи я немного заинтересовался, хотя руку ее проигнорировал:

– Октябрина? Seriously?

– Ну да, – она немного смутилась. – Довольно редкое имя, но я за всю жизнь привыкла. И это даже здорово – не иметь тезок, ни с кем не путают! Единственная Октябрина, которую я знаю, прошлой осенью отметила восьмидесятилетие, представляешь?

Глаза у нее оказались светло-голубыми. У всех истинных рыжих обычно бледная кожа, как будто слегка болезненная – и эта особенность делит их на полных уродин и редких красавиц. Эта же мордаха оказалась редким исключением – ее нельзя было без труда отнести к одной категории: вроде бы симпатичная, вздернутый носик добавляет внешности детской непосредственности, но рыжеватые ресницы портят большие и, в общем-то, симпатичные глаза.

Я перебил очередной поток сознания, пока она снова не перешла на пространные рассуждения:

– Да нет, я не поэтому удивился. Просто меня зовут Май.

– Май? Seriously? – она повторила мой вопрос с той же самой интонацией и рассмеялась. – Получается, почти тезки?

– Угу, тезки, – буркнул я и снова уставился в небо. – Осталось найти Июнью, Июлью, Январину, и можем собирать клуб носителей самых дебильных имен.

– Дай угадаю, – она продолжала меня донимать. – Ты родился в мае, верно? А иначе с чего бы твоим родителям пришло такое в голову?

– Просто экстрасенс.

– А то! – она снова звонко рассмеялась. – Могу еще угадать, что твой любимый месяц – май! Верно?

Я промолчал. На самом деле я ненавижу последний месяц весны. Даже чуть больше, чем ненавижу себя и свое идиотское существование. Вот всякий раз с тех пор, как мне стукнуло пятнадцать, именно в мае происходил какой-нибудь трэш. То мы с Лешкой вляпаемся в неприятности, то нажремся как свиньи в честь теплых деньков так, что родители нас неделю разыскивают, то гаишники тормозят на каждом превышении скорости – так и было, когда я сел на свою первую тачку, подаренную в честь совершеннолетия. Но май этого года по уровню бардака перекрыл все предыдущие, до сих пор мутит. Как какой-то больной сон героинового наркомана. К счастью, май закончился вместе со всей своей туманной тошнливкой, но все еще вызывает содрогание. Что было – то было, очухаться и дальше быть – таким же бессмысленным упырем без цели и удовольствий, которые еще не испытал. А впереди два месяца каникул до нового семестра, с ума от скуки сойдешь.

Может, звякнуть Лешке и рвануть вдвоем на Мадейру? Там время будто замирает – только жрешь, пьешь, трахаешься и жарись на солнце. Но почему-то неохота видеть даже Лешку, неизменного друга детства. Нет, он так-то нормальный парень и неплохой товарищ, хотя наша дружба была будто предначертана еще с первого класса гимназии: наши отцы давно сотрудничают, и потому мы дружим семьями. Но Лешка – вполне ничего, особенно когда хочется потусить. Вот только не хочется ни тусить, ни Лешки. Одному стартануть на Мадейру? Вариант. Друг обидится, да и хер с ним. Или просто уснуть на два месяца? Вариант еще. Родители хату в центре взяли, красивую как конфетка – идеальная хижинка молодого, беспардонно богатого холостяка. Но я в отдельной квартире не слишком долго радовался. Это сложно – от души радоваться, когда всю жизнь сразу же получаешь все, чего хочешь. Но хоть благодарность перед родителями за всю их заботу работает – если бы не она, я уже и универ давно забросил бы. Но я еще шевелюсь, что-то делаю, хотя бы изредка стараюсь изображать из себя живое чучело – просто потому, что благодарен родным и не хочу их расстраивать.

От отца я получил все блага, которые можно купить за деньги, а от матери – яркую внешность, темные волосы, чуть суженные, как будто у меня постоянно что-то на уме, глаза и подчеркнута пофигистичный характер. Он во многих

ситуациях помог, а иногда становился козырем чуть ли не более важным, чем папины деньги. Когда Лешка чуть не обосрался, убегая от охранника ночного супермаркета, я даже не побледнел – будь что будет, все равно как-нибудь да будет. И ведь проносило, почти всегда, стоило ли напрягаться? Но у этой суперсилы оказалась и другая, менее приятная сторона: мне все больше и больше становилось все равно. Тачки, путешествия, дизайнерские вещи – круто только в первые двадцать раз. А после увлечения пикапом я потерял интерес даже к сексуальным телкам. Ну какой смысл хорохориться, если заранее знаешь, что с профессиональным подходом уломаешь любую? Делать ставку на то, в первый или второй день она сдастся? Тупая война, если подготовленный спец уделывает лохушку. Вначале приключение меня захватило с головой, но потом накрыл извечный хронический пофигизм. А ведь так все хорошо начиналось: впереди было целое лето и вся жизнь... Или на хрен Мадейру? Лучше взять и сделать что-то действительно хорошее, чтобы отец гордился – не для себя, для него. Например, устроиться на два месяца волонтером куда-нибудь или вон, собак бездомных кормить. А нет, их же потом то ли отстреливают, то ли в макушки чмокают, как мне недавно сообщили.

Вспомнив о собеседнице с придурковатым именем, я снова глянул в ту сторону. Оказалось, что Октябрина все это время пялилась на мой профиль, за этим занятием и была застукана. И, как будто с трудом дождавшись, когда я очнусь, брякнула очередную несуразицу:

– Пошли хоть прогуляемся, а то сидальники отсидим!

– Ну пошли, – я не особо заинтересовался идеей. – Тебе лет-то сколько?

– Девятнадцать, а что? – она округлила свои голубые глазища.

– Ничего. Просто решил сразу убедиться, что меня не посадят, если мы достаточно хорошо прогуляемся. Ты выглядишь на семь.

– Лет строгого режима?

– Месяцев. С какого перепуга ты вырядилась как дитё, нацепившее на себя все материны шмотки?

Она со смехом легко подскочила на ноги и воскликнула:

- Не-не, Майчонок, обойдемся без твоих похабных намеков и без рук. Иначе весь интерес пропадет!

- Какой еще интерес? - переспросил я через пять минут, когда мы уже плелись по парковой дорожке. - Разве мы делаем что-то интересное?

- Так давай сделаем, - она пожала худыми плечами. - Предлагаю не спать!

- Вообще?

- Нет, на спор! Кто дольше продержится без сна!

- И на что спорим?

- На цветы! Букет в цветочном магазине!

- Хрень какая-то. На кой хобот мне цветы?

- А ты так уверен, что выиграешь? - девушка глянула на меня и подмигнула.

Дурдом в разгар вечеринки, как будто весна и не заканчивалась. Да какая разница, чем заниматься? Я как раз до сентября совершенно свободен.

Гуру пикапа очень мудры, когда говорят, что за баб не надо платить. Или не за всех. Или это не они говорили, а Лешка? Короче, всегда надо с первого взгляда оценивать, сколько ты готов инвестировать в секс с конкретной бабой, и от этой цифры не отклоняться. В Октябрину я не готов был инвестировать вообще - девчонка и так на меня запала, а иначе с чего приклеилась? Но гуру пикапа не подсказали, что делать, если день жаркий, пить хочется, бутылка воды стоит в парковом киоске сущие копейки, а ты идешь и соображаешь, должен ли утолять не только свою жажду. Через сорок минут бесцельных блужданий я сдался:

- Пойдем хоть воды купим. И там сортир есть - заодно отольем лишнее.

Октябрина кивнула, поворачивая в указанном направлении.

– Выпить – отлить, выпить – отлить. Май, тебе никогда не казалось, что ты биоробот с примитивными функциями?

Казалось, и даже не иногда, потому я невольно улыбнулся. А она в ответ вообще все зубы обнажила. Стянула куртешку, смяла в руках, обнажив веснушчатые плечи. При себе у нее не было даже небольшой сумочки, то есть ни телефона, ни денег, хотя карманы ее джинсовки я пока не созрел обыскивать. Откинула рыжие лохмы назад, чтобы в лицо не лезли. В принципе, ничего такая – не первая городская красавица, но живая и очень естественная. Заразная немного – ржет постоянно, и потому тоже приходится немного ржать в ответ.

Перед самым киоском девушка запнулась об отвалившийся бордюр, и я бездумно придерживал ее за острый локоть, но она отчего-то дернулась:

– Я же сказала – без рук!

– Ты себе чуть башку не разбила, – ответил ей спокойно.

– Придумаешь тоже! – фыркнула. – Немного равновесие потеряла, но вовремя поймала бы и без тебя. Без рук, это будет наше правило!

– Обойдемся членом и языком? – я приподнял бровь. Отработанные инстинкты никуда не делись, и они прорывались без моего участия. В вопросах пошлости не придумано более успешного маневра, чем полное и безапелляционное заявление в своих пошлых намерениях.

Октябрина лишь отмахнулась, а продавцу в киоске заказала аж целую литровую бутылку минеральной воды. Я осмотрел ее скептически, когда себе купил маленькую и заплатил за обе.

– Помыться решила? Иначе куда тебе столько?

– Когда твой наперсток закончится, ты еще будешь умолять меня поделиться, – ответила она и резко развернулась, на миг закрутив ситцевую ткань вокруг бедер. – Что, в сортир, а потом куда-нибудь поедем? Где твоя машина?

– У центральных ворот, – немного опешил я. – А как ты узнала, что я на машине?

– По джинсам твоим и ремню. Абсолютно уверена, что с такими ремнями на автобусах не ездят!

Я посмотрел в направлении своей ширинки и снова усмехнулся. Неужели дикая рыжуха повелась на бабло? Это будет самый скучный вариант развития событий. Но я все равно плелся за ней послушным бараном, поскольку заняться больше было нечем и я никак не мог себя убедить в том, что Октябрина меня именно охмуряет. Если так, то это чрезвычайно кривые подкаты. Вообще непонятно, что она делает, но будто даже не заигрывает, а пытается... расшевелить? Возможно, издали увидела парня с потерянным взглядом и решила за его счет попить водички и покататься на его машине? Ну, это уже не самый отстойный вариант развития событий. Можно хотя бы глянуть, чем еще она меня шевелить намерена.

Два

– А ты неплохо водишь! Уверенно.

Ехали мы уже довольно долго, перетянутая пауза будто расслабляла нервы. Но от неожиданной похвалы у меня сразу руки затряслись. Как если бы я экзамен сдавал, и от вывода инструктора зависело буквально все. Я поднял правую руку и почесал волосы над виском, чтобы скрыть дрожь и заодно стряхнуть ее. Однако ответил предельно спокойно:

– Три года постоянно на колесах, – услышал, как это прозвучало, и зачем-то пояснил: – Не на тех колесах, о которых ты подумала, я про машину.

– Я ни про какие другие и не подумала, а вот теперь начала! Ты все цветное жрешь или только самое вкусное?

– Всякое случалось.

– И сейчас под кайфом? – испугалась она запоздало. – Тогда лучше высади, я жить хочу!

- Нет, я уже давно чист аки младенец.

Она вроде успокоилась и решила сыронизировать:

- Постарел или поумнел?

Не представляю, на кой хер я все это на нее вываливал. Вероятно, уже давно следовало на кого-то вывалить, а тут благодарные уши под рыжими волосами:

- Надоело. В смысле, надоело постоянно быть не собой. В один момент понял, что я уже и не помню, кто я и зачем.

Она рассмеялась беззаботно, как если бы я в какой-то полной ерунде признался:

- Ну, на эти вопросы никто толком ответить не может, даже те, кто наркоты в глаза не видел!

- Допустим, что так, - я задумался. - Но заодно родных и друзей пожалел. Им-то зачем страдать, если мне приспичило пострадать?

- Если бы это работало, то зависимостей не существовало бы вовсе! Ты все придумываешь, Май.

- Что именно придумываю?

- Я же у тебя в голове не была! Но придумываешь какие-то псевдо-отговорки, чтобы случайно глубже не копнуть.

Я немного разочаровался в собеседнице:

- А-а, понял, ты из тех людей, кто начитался популярной психологии и возомнил себя умницей? А на самом деле ничегошеньки не понимаешь?

- Угадал.

Мы ехали по узким улицам неспешно – здесь в дневное время спешить и не получится. Зато разглядывали здания и вывески. Вернее, Октябрина разглядывала и привлекала своими восторгами мое внимание:

– О, ничего себе, ты видел, что этот дом отреставрировали? Красиво! Это какое-то старое строение, ему чуть ли не сотня лет!

– Не видел, – я бросил взгляд на светло-коричневое здание. – Действительно, симпатично.

– И почему сейчас так не строят? – она возмущалась, но тем же восторженным голосом. – Красиво же – эти арки с лепкой, полукруглые окошки, и у каждого дома будто свой характер. А сейчас стекло, стекло и кривые стены! Вон, глянь, впереди торговый центр, ни одной прямой линии!

– Потому что это тоже симпатично, – улыбнулся я. – И через сто лет, когда его отреставрируют, тоже будут восхищаться. В этом и есть смысл – хвалить то, что сделано давно, и ругать все, что сделано сейчас. На этом каждое новое поколение держится.

– О-о, точно! – согласилась Октябрина. – С этой стороны я не думала. И правда, симпатично! Но что ж криво-то так?..

– Ты где-то учишься или работаешь? – я вспомнил, что вообще ничего о ней не успел выяснить.

– Поступила на бухгалтера, родители говорят, что с такой профессией не пропадешь. Но понимаю, что это не мое. А на самом деле я мечтаю стать моделью.

– Ты – моделью? – я безудержно расхохотался.

Она обиделась – насупилась, руки на груди сложила:

– А что такого? Я худая!

Никто не мог бы это оспорить:

- Это да, даже немного слишком. Зато ростом не вышла. Хотя... знаешь, в фотомодели и коротышек берут. А лицо у тебя - как это называют профессионалы? - фактурное? Или наоборот, нефактурное... короче, такое, которое под любой показ подходит.

- Имеешь в виду, что на нем нарисовать можно что угодно?

- Ну, я хотел выразиться мягче. Кстати говоря, у матери есть знакомые из модельных агентств - если хочешь, могу с ней переговорить. Глянут на тебя хотя бы, посоветуют, в какую сторону двигаться. Хоть что-то полезное выйдет из нашего тупого знакомства.

Она глубоко задумалась, но потом неуверенно качнула головой:

- Да нет, не надо, сама попытаюсь.

- Сама? Я не очень в курсе ситуации, но, по-моему, даже банальные модельные курсы денег стоят. И уже твой ремень тонко намекает, что ты вряд ли можешь раскидываться средствами.

- Нет на мне ремня!

- Так и я о том, - мне нравилось, как она эмоционально реагирует на любые повороты беседы.

Октябрина снова подумала перед ответом:

- Все равно пока не надо. Потом, если у меня самой ничего не выйдет и мы будем продолжать дружить.

- А мы уже дружим?

- Почему бы и нет? Вижу, что ты абсолютный потеряшка космического масштаба. А я тебя спасу - считай, тебе достался главный приз в моем лице. Наверное, это подарок за что-то хорошее!

Да, подарок за хорошее, десять из десяти. Если буддисты правы, тогда есть шанс, что в последний раз я делал что-то хорошее в прошлой жизни. Наверное, я в ней был каким-нибудь национальным героем, раз в этой получил буквально все: деньги, смазливое лицо и сессию, сегодня сданную. То есть ко всем остальным дарам, еще и не кретин. И дополнительный подарок в виде смешной рыжухи прилетел, откуда не ждали. Тогда все сходится – подписываюсь под правотой буддистов, эта их реинкарнация стопудово работает...

– Ты о чем опять задумался? Сам за собой не замечаешь, что ведешь себя как будто все еще под колесами? Май, сворачивай к торговому центру – вон там место свободное на парковке.

Повернуть-то я повернул, но решил сразу осадить:

– Если у тебя с собой нет карты, тогда закатай губу. У нас не такая дружба, чтобы я еще тебе что-то покупал. Ну, кроме цистерны воды.

Она отмахнулась и выбежала на улицу, едва автомобиль притормозил. Я вышел следом и направился за ней, торопимый, как будто мы куда-то опаздываем. Октябрина проскакала мимо центрального входа, но я не успел спросить куда – она сама объяснила, в очередной раз обернувшись:

– Там пацаны на гитарах играют! Они прошлым летом тут тусовались – я их помню!

– И че?

– И ниче! – разозлилась она.

Музыканты, тренькающие на гитарах довольно слаженно, свою главную фанатку, по всей видимости, не узнали. Но она положила прибор на общественное мнение и начала тихонько подпевать, когда один из них чистым голосом затянул какую-то старую рок-балладу. На второй же песне девушка беззастенчиво приплясывала. Мне, откровенно говоря, было неловко топтаться здесь, наблюдать за ней и притворяться столбом, чтобы нас в знакомстве никто не заподозрил. Особенно гадостно стало, когда самый молодой пацан со шляпой начал приближаться к зевакам. Октябрина простодушно развела руками – жест, понятный любому продавцу, в переводе на человеческий означающий: «Денег

нет, но вы держитесь». Но паренек ей только кивнул с улыбкой – вероятно, она танцами за представление и расплатилась – и шагнул ко мне. Еще и эта глазастая уставилась на меня в ожидании реакции. Я вытянул из джинсов какую-то мелочь – сдачу с воды, рублей двадцать, кинул в шляпу и понадеялся, что на этом позорище окончено.

Октябрина подскочила, как всегда довольная, подхватила меня под локоть и потащила обратно. А может, это она на ЛСД сидит? Ну не объяснить же ее поведение и бесконечный восторг чем-то менее химическим. Я не выдержал:

– Вообще-то, я никогда не даю попрошайкам. Дело не в том, что мне жаль, а в самом принципе. Это как с бездомными собаками, которых нельзя прикармливать.

– Какие же они попрошайки? – заглянула она мне в глаза снизу. – Знаешь, сколько лет надо учиться, чтобы так играть? Это труд – и ты им платишь за труд, а не просто так! Ну, и за удовольствие, конечно.

– Твое удовольствие, – я конкретизировал.

– Пусть мое! А от моего хорошего настроение твое сделается... м-да, максимум средненьким, ибо ты безнадежен. Мог бы и не платить, раз увешался идиотскими принципами! Кто ж знал, что тебя нельзя показывать приличным людям?

Мы снова ехали по центральной улице, а рассматривать здания мне надоело еще до остановки:

– Мы куда двигаемся-то? Или просто будем кататься, пока бензин не закончится? А потом заправимся и продолжим кататься?

– Поехали на мост, – предложила она, пожимая плечами.

– Зачем?

– В жару логично перемещаться к воде.

Мне было все равно, в каком месте продолжать это бессмысленное путешествие.

Железнодорожный мост был большим, с пешеходными дорожками по краям и высоченными металлическими опорами. Припарковаться на берегу пришлось сильно заранее и дальше идти пешком. Вода немного спала – по правому берегу заметна темная полоса предыдущей «ватерлинии», но все равно завораживала. Я ни о чем не думал, просто пялился на мутную гладь сверху. Но, очнувшись и оглядевшись, закричал:

– Октябри... Тьфу, хрен выговоришь! Куда полезла? Стой! – увидел, что она замерла на перилах от моего вопля, и немного успокоился: – Ты случайно не латентная самоубийца?

– С ума сошел? Я собираюсь жить тысячу лет, тупой мальчик с классным именем. А ты?

Я глубоко задумался над таким простым вопросом:

– Не думаю, что проживу именно тысячу. Скорее всего, после пятисот вообще заняться будет нечем.

– Всегда есть чем заняться, идиотина, если не будешь ждать мага, который тебя обязан развлекать. Ползи сюда – здесь безопасно, если сам чудить не начнешь. Можно сидеть, можно висеть, мы с подружками в детстве тут на спор висели – и, как видишь, хотя бы одна из нас эту игру пережила!

Я усмехнулся. Висеть на железяках я не собирался – не до такой степени мне скучно. Но посидеть, свесив ноги, действительно можно. Эта же обезьяна успела исследовать все доступные отвесы, но через пятнадцать минут наконец-то утихомирилась и уселась рядом, тоже вперившись взглядом в воду. Ну, как утихомирилась... ноги ее уgomониться не могли, потому розовые носки на щиколотках болтались туда-сюда в каком-то собственном ритме.

– Так что, рыжая модель, – мой голос немного осип после долгого молчания, – так и будем слоняться, пока один не упадет от бессонницы замертво? Или забьем – я отвезу тебя домой и разоидемся? Я тут подумал, что все-таки стоит встретиться с друзьями.

- Не ври, нет у тебя никаких друзей.

- Ты об этом по форме моей челки догадалась?

- Да нет, дедуктивным методом доперла. Человек, у которого есть друг, не бывает таким.

- Каким?

Она оставила вопрос без ответа, зато отколупала что-то от перекладины сбоку и кинула в воду. Надеюсь, ржавчину, а не птичий помет. Но мне захотелось услышать хоть немного больше, и я нажал:

- Вот тут твоя проницательность дала сбой. Хотя о чем это я? Ты же в каждом предположении мажешь на километр. Так вот, друзей у меня немного, это верно, но они есть. И, надеюсь, я для них тоже хороший друг - по крайней мере, уж точно готов прикрыть их задницу в случае беды. А предки мои - вообще шикарные, я их тоже вполне считаю друзьями. Потому если ты придумала, что я страдалец-одиночка, то с чего ты это вообще взяла? Не с себя ли проецируешь?

- Понятно, - она снова легко согласилась. И зачем я ей столько аргументов плел, будто оправдывался? - Но если у тебя все настолько классно, то почему ты не улыбаешься постоянно? Кстати говоря, улыбка у тебя почти такая же отличная, как и имя.

- Не представляю, на чем надо сидеть, чтобы постоянно улыбаться, - заметил я. И зачем-то реально улыбнулся. - Твоя очередь. А у тебя в жизни какие проблемы, что ты вешаешься на всех парней с брендовыми ремнями?

Она свела рыжие брови, но ответила задумчиво:

- А у меня всё не хуже, чем у тебя. Мама, папа, море друзей. Ругаемся с мамой иногда, конечно. Особенно когда я ей говорю, что не хочу быть бухгалтером. Но это так, жизненная суета. Видишь, у нас с тобой жизни очень похожи!

- Ну да, один в один просто, - я снова, уже в который раз, тихо рассмеялся. - Только без бухгалтерии, зато с ремнем. Но если серьезно, почему ты ко мне в

парке подошла? Вообще-то, юным девам твоей весовой категории надо от неприятностей прятаться, а не искать их самостоятельно. А вдруг я оказался бы каким-нибудь маньяком? Ладно бы просто насильником, но маньяки бывают разной степени задора.

Она наклонилась ниже, но смотрела мне в глаза, у нее привычка какая-то дурная – подныривать.

– Май, вопрос ведь не в том, почему я на ту лавку села, а в том, почему ты в итоге за мной пошел.

– Да просто ты попала в такой момент, когда пошел бы за кем угодно.

– Вот! Тебе очень повезло, что я не маньячка. Думай в следующий раз!

Мне с ней было развязно и свежо, но больше от той чуши, которую она способна нести перманентно, вообще без передышки. Наверное, мне эта перезагрузка и требовалась? Чтобы просто ни о чем не думать и катать на языке непроходимую чушь. Хочешь жить весело – возьми и веселись, не жди, когда явится кудесник и извне сотворит это чудо. Болтай ногами над водой, трясись головой и смейся по самому пустяковому поводу. Особенно если впереди еще два месяца лета, а ты так и не определился – волонтером устроиться или рвануть с Лешкой на Мадейру. До полного просветления я еще не дозрел, но одной ногой подмахивать уже начал.

И именно это движение заставило Октябрину признаться:

– А ты, оказывается, неплохой парень. Я только что это разглядела.

На такой тон можно отвечать только такой же искренностью:

– Неправда, Октябрина. Я – классический мудака.

– Это вижу. Но хорош хотя бы тем, что это понимаешь.

– То есть признание вины снимает саму вину?

Она зависла над вопросом. А ведь это был самый серьезный, самый важный вопрос, на который я хотел бы получить ответ.

– Не знаю, – произнесла наконец. – Возможно, частично и снимает. Ну как можно казнить человека, который сам падает на колени и подставляет голову? У меня бы топор не поднялся.

У меня, наверное, тоже. Хладнокровия бы не хватило, жестокости или силы воли. Эх, не быть нам с моей новой знакомой палачами. Не всем дано. Зато половина из нас рискует стать бухгалтерами, а половина – моделями. Потом разберемся, кому какая доля выпадет, лишь бы не мне – бухгалтерия.

Звонил Лешка, но я скинул. Пока не придумал, какие каникулы ему предложить, разговаривать с боевым товарищем можно лишь имея боевой план. И пропустил наступление вечера. Заметил только, что сам продрог, тогда и глянул на Октябрину – она, оказывается, свою куртешку снова натянула и не забыла застегнуть. Это что же, мы тут несколько часов уже торчим? А где эти часы? Хотя насрать. Подобное про всю жизнь можно сказать: «Офигеть, у меня уже внуки? А куда делись все мои годы? Что-то я их не припомню».

– Пойдем отсюда, – позвал. – Прохладно.

– Ну пойдем! – Она бойко подскочила на ноги и снова раскорячилась на перилах, перелезая на пешеходную дорожку. Помочь, что ли? Да ну – у нее платье-мешок очень смешно от этих маневров задирается. Октябрина сопела: – Немного по набережной пройдемся, а потом еще куда-нибудь поедем. Надоела вода.

– Да как скажешь.

Она выпрямилась по другую сторону, отряхнулась и поддела:

– Фу, какой ты ведомый! Просто бери за поводок и тащи куда пожелаешь.

– А разгадка сей тайны до тошноты проста: мне банально насрать, куда идти.

– Тюлень ты просто!

– Да нет, почему же, я вполне могу взять руководство на себя. Но тебе не понравится. Вернее, понравится, но атмосфера уже хрустнет. Успеем добежать до машины? У меня презервативы в бардачке.

– Май, а ты можешь думать о чем-нибудь, кроме секса?

Я перекинул сначала одну ногу, наклонился и протасил поверху вторую. Сказал:

– Мне двадцать один. О чем мне еще прикажешь думать? О судьбах мира? Хотя на самом деле, я и на сексе не так чтобы очень заиклен. Просто добавляю нашему общению юмора. Давай хоть целоваться начнем – я по химическому составу твоей слюны пойму, подружиться мы с тобой или нет.

– А, поняла! Неосознанно воссоздаешь привычную тебе обстановку тупой пошлятины, чтобы чувствовать себя в своей тарелке? Так расслабься, Майчонок: сегодня, так уж и быть, я веду. Отдавай свой поводок, кобелина, придавленная собственной охренительностью. – Она пошлепала вдоль моста к берегу, продолжая меня хаять: – Вот же теленок свалился! А выглядит-то – такой весь из себя красавчик, покоритель сердец, грустный принц со страшной тайной в заглавнике, от которого все девки балдеют, и все такое. Прокололась я с первым впечатлением! Терпеть не могу мужиков, которые ни бэ ни мэ...

– Октябрина, у тебя на ноге синяк. Видела?

– Да помолчи ты уже, мямля! Здесь я решаю, где у кого синяки! Ты ведь отказался от любых решений, так что помалкивай там.

Она шла впереди и бухтела, а я плелся следом и смеялся. Как на поводке, да.

Три

Права она была в одном – нам следовало или разойтись, или принять какой-то план, поскольку эти хождения туда-сюда давно надоели, а время было уже позднее. И хоть из нас именно я назначен «мямлей», но Октябрина не особенно спешила внедрять новаторские идеи в повестку дня:

- В центральном парке давно не была! Может, туда съездим?

- Мы сегодня в парке познакомились. Пусть не в центральном. И что ты там на ночь глядя делать собралась? Прохожих пугать из-за кустов? Я уж молчу, что становится прохладно, через два часа мы драться за твою джинсовку будем. А если наш спор все еще в силе, тогда самое верное место - ночной клуб. Там такой шум, что уснуть не получится.

- Клуб? - она поморщилась. - Какой же ты зануда! Почему-то от тебя я только таких банальных предложений и ожидала.

- Вот занудой меня раньше никто не называл.

Мне самому туда не очень хотелось - вернее, самое мощное оружие против сна лучше оставить на тот момент, когда собственных силенок не будет хватать. Но блуждать всю ночь по городу я тоже желанием не горел, да и жрать давно охота. К себе в квартиру позвать? Даже у меня в голове брякнуло двусмысленно. И симпатичные рыжухи вполне бывают отличными воровками.

- К тебе? - предложил я, совершенно уверенный в отказе.

- Ты что? У меня дома родители! С моим папой хочешь познакомиться?

- Абсолютно нет. Особенно с таким строгим папой. Он ведь даже ни разу не позвонил, хотя тебя столько времени где-то носит.

- Куда он позвонит? Я телефон дома забыла.

- А-а! - до меня дошло, отчего разобрал смех. - Ты с предками, что ли, поссорилась? Выбежала из дома, ничего не взяв, и потому ко мне прицепилась? Решила устроить бунт? Тебе точно девятнадцать, а не семь с половиной? Хотя мне даже в детском возрасте такая чушь ни разу в голову не приходила.

- Не придумывай, Май, ничего такого не было! Просто телефон забыла!

Я остановился у торца здания, прикидывая:

- Пошли для начала в пиццерию, у меня желудок к позвоночнику прирос.

Октябрина заметно стусеивалась и снова отпила из своей бутылки, которую все еще не успела прикончить:

- Ты иди, я а ноги разомну. Есть пока не хочется.

Меня разбирали смех все больше и больше:

- То есть кошелек ты тоже дома забыла? Ладно уж, я угощаю. Или фигуру бережешь?

- Да, берегу! - разозлилась Октябрина. - Пиццу не ем, ясно?

- Ясно-ясно. - Я принял решение, которое уже давно назрело. Девушка эта на воровку вообще не похожа, раз так очевидно стесняется. Но если все-таки ею окажется - что ж, у меня там даже личных вещей почти нет, не будет же она лампочки из люстры выкручивать? Но если начнет, то этот день станет у меня самым смешным за последние пару лет. - Тогда поехали ко мне. Поспорить на бессонницу - это один род идиотизма, но в процессе простыть - уже другой. Там, правда, из жратвы ничего не водится. Заедем в супермаркет. Если ты умеешь готовить, то сегодня выживем.

- Ну, можно... - неуверенно отозвалась она.

- Смотрю, ты вообще ничего не боишься, - я не удержался, чтобы не поддеть. - Подцепила маньяка и сама к нему добровольно идешь?

- Хватит меня уже стращать, Май. По тебе же видно, что не насильник. Говнюк, конечно, но не до такой степени. У меня на хороших людей чутье, - послушала, как я смеюсь над ее догадками, но не думала на этот счет напрягаться: - Но что мы у тебя будем делать?

- До того, как разденемся, или после?

- Хватит уже шутить! Карты есть? Я в «Дурака» умею. Если напомнишь правила.

А кто шутил-то? Нет, я не насильник – хоть в чем-то она угадала, но реально ума не приложу, что можно делать с девушкой всю ночь.

– Ладно, поехали, тут недалеко.

– Подожди, Май... Тогда, может, все-таки пиццу возьмем? Ну, раз ты очень голодный, а готовить все-таки долго... – И густо зарделась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/alekseeva_oksana/razbudi-menya-k-avgustu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)